

Онтология и теория познания

Ontology and Theory of Knowledge

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-1-215-225>
EDN: HFVPSK

Научная статья / Research Article

Двадцать семь ответов на один вопрос

В.Б. Петров

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
 petrov-vb@rudn.ru

Аннотация. Ф. Бэкон в «Новом Органоне» выдвинул идею «прерогативных инстанций» как средств, сокращающих пути выдвижения и проверки гипотез. Бэконовские «прерогативные инстанции» рассматриваются в исследовании как возможный ответ на вопрос Дж.Ст. Милля о том, почему в некоторых случаях нам достаточно одного примера для полной индукции, в то время как в других случаях нам недостаточно даже мириадом согласных между собой примеров для достоверного вывода. Показано, как изменялась оценка «прерогативных инстанций» и самой теории индукции Ф. Бэкона у историков философии и науки на протяжении XIX–XX вв. Проанализирована классификация «прерогативных инстанций», осуществленная Ф. Бэконом, выявлены ее слабые места. Предложена авторская классификация «прерогативных инстанций», основанная на идеях Ф. Бэкона, оценена возможность и перспективность альтернативных подходов к подобной классификации. Рассмотрено место «прерогативных инстанций» в общей теории индукции Ф. Бэкона. Показано, что часть из них может быть использована до составления «таблиц присутствия», «таблиц отсутствия» и «таблиц степеней», составляющих основу метода элиминативной индукции Ф. Бэкона, другая часть должна быть помещена в эти таблицы, а третья часть может быть применена после того, как на основании таблиц были выдвинуты соответствующие гипотезы. Проведено различие между индукцией как выводом универсальных гипотез из сингулярных посылок и индукцией как методом эмпирического исследования, позволяющим выдвигать и проверять обобщающие гипотезы на основе единичных фактов. Отмечено, что справедливая критика индукции как недостоверного вывода была в постпозитивистской философии науки XX в. неоправданно перенесена на индукцию как метод. Указано на возможность использования «прерогативных инстанций» как эвристических приемов выдвижения и проверки гипотез, эффективность которых зависит от принятых метафизических допущений, в тех современных теориях индукции, которые отказываются от идеи построения универсального индуктивного метода.

© Петров В.Б., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: прерогативные инстанции, теория индукции Ф. Бэкона, выдвижение и проверка гипотез, метафизические основания индукции

Информация о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила 21.10.2024

Статья принята к публикации 09.01.2025

Для цитирования: Петров В.Б. Двадцать семь ответов на один вопрос // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 1. С. 215–225. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-1-215-225>

Twenty-Seven Answers to One Question

Vasilii B. Petrov

RUDN University, Moscow, Russia

petrov-vb@rudn.ru

Abstract. In his *Novum Organum*, F. Bacon put forward the idea of “prerogative instances” as a means of shortening the paths of putting forward and testing hypotheses. Bacon’s “prerogative instances” are considered in the research as a possible answer to J.S. Mill’s question about why in some cases one example is enough for complete induction, while in other cases even myriads of mutually agreeing examples are not enough for a reliable conclusion. It is shown how the assessment of “prerogative instances” and F. Bacon’s theory of induction itself changed among historians of philosophy and science throughout the 19th–20th centuries. The classification of “prerogative instances” carried out by F. Bacon is analyzed, and its weak points are identified. The author’s classification of “prerogative instances” based on F. Bacon’s ideas is proposed, and the possibility and prospects of alternative approaches to such classification are assessed. The place of “prerogative instances” in F. Bacon’s general theory of induction is considered. It is shown that some of them can be used before compiling the “tables of presence”, “tables of absence” and “tables of degrees” that form the basis of F. Bacon’s method of eliminative induction, another part should be placed in these tables, and the third part can be applied after the corresponding hypotheses have been put forward on the basis of the tables. A distinction is made between induction as a derivation of universal hypotheses from singular premises and induction as a method of empirical research that allows one to put forward and test generalizing hypotheses on the basis of individual facts. It is noted that the fair criticism of induction as an unreliable conclusion was unjustifiably transferred to induction as a method in the post-positivist philosophy of science of the 20th century. The possibility of using “prerogative instances” as heuristic methods of putting forward and testing hypotheses, the effectiveness of which depends on the adopted metaphysical assumptions, is indicated in those modern theories of induction that reject the idea of constructing a universal inductive method.

Keywords: prerogative instances, F. Bacon’s theory of induction, putting forward and testing hypotheses, metaphysical foundations of induction

Information about the conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history:

The article was submitted on 21.10.2024

The article was accepted on 09.01.2025

For citation: Petrov VB. Twenty-Seven Answers to One Question. *RUDN Journal of Philosophy*. 2025;29(1):215–225. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-1-215-225>

«Почему в иных случаях единичного примера достаточно для полной индукции, тогда как в других даже мириады согласных между собой примеров, при отсутствии хотя бы одного исключения, известного или предполагаемого, так мало дают для установления общего предложения? Всякий, кто может ответить на этот вопрос, больше понимает философию логики, чем мудрейший из древних философов: он разрешил проблему индукции» [1. С. 259].

На этот знаменитый миллевский вопрос, поставленный в середине XIX в., искали ответ десятки исследователей в течение более чем столетия, но удовлетворительного ответа так и не нашли. Во второй половине XX в. возобладала, наконец, точка зрения, что индуктивный вывод от частных случаев к общему положению никогда не может быть оправдан, индукция не является процедурой, позволяющей устанавливать подлинные научные законы, которые должны быть сформулированы на теоретическом языке, и, следовательно, вопрос, поставленный Миллем, был на самом деле не вполне корректным.

Ирония заключается в том, что ответ на миллевский вопрос был дан за два с лишним столетия до того, как он был поставлен. Его можно обнаружить в «Новом Органоне» Фрэнсиса Бэкона [2]. Суть его мысли очень проста: примеры, на основании которых мы строим индуктивное заключение, не равноценны. Среди этих примеров есть выделенные случаи, знание о которых позволяет нам с гораздо большей уверенностью утверждать истинность общего положения, чем в ситуациях, когда мы таких выделенных случаев не наблюдаем. Бэкон называет такие случаи «прерогативными инстанциями» (преимущественными примерами) и насчитывает 27 видов таких инстанций.

Далее в исследовании мы рассмотрим три вопроса:

- 1) Почему «прерогативные инстанции» Бэкона не рассматривались в качестве ответа на вопрос Милля?
- 2) Как можно представить роль «прерогативных инстанций» в общей теории индукции Бэкона?
- 3) Как выглядит идея «прерогативных инстанций» с точки зрения современных концепций методологии науки?

(1) Рассмотрению «прерогативных инстанций» Бэкон посвятил 31 из 52 афоризмов второй книги Нового Органона, более 2/3 ее общего объема. Первые двадцать афоризмов этой книги содержат бэконовскую теорию подлинной индукции – индукции, позволяющей обнаруживать причинные связи. Именно эта теория привлекает наибольшее внимание исследователей, поскольку считается одной из первых теорий научного метода. Учение же о преимущественных примерах является дополнением и вспомогательным улучшением этой теории.

Неудовлетворительность бэконовской теории научного метода с точки зрения современных представлений хорошо известна. Ее весьма точно выразил М. Малерб в авторитетном издании «The Cambridge Companion to Bacon»: «Во многих отношениях индукция Бэкона все еще зависит от древней концепции определения, вида и рода, материи и формы, и, вообще говоря, от идеи, что теория науки должна опираться на метафизическую основу. И это правда, что концепция индукции Бэкона является метафизической...» [3. Р. 96]. Во многом этим обстоятельством можно объяснить, что «прерогативные инстанции» сами по себе редко привлекали внимание позднейших исследователей: если основная концепция провалилась, то зачем тратить время на дополнения к ней? В итоге в литературе сложилась интересная ситуация: в обзорных работах, посвященных истории логики или философии Ф. Бэкона, прерогативные инстанции либо вообще не упоминаются, либо оцениваются совершенно по-разному, причем основания для этих оценок оказываются достаточно спорными.

Куно Фишер в своей «Истории новой философии» отзывался о «прерогативных инстанциях» весьма восторженно и уделил им два параграфа [4. С. 294–305]. Но, охарактеризовав общую идею прерогативных инстанций, и рассмотрев первую из них (*instantiae solitariae*, или обособленный пример), сосредоточился сразу на шестой по счету прерогативной инстанции – примерах соответствия (*instantiae conformes*), или естественных аналогиях.

Полагая, что Бэкон поставил науке цель найти самую общую аксиому, величайший закон, объемлющий единство Вселенной [4. С. 297], он заключает, что Бэкон ищет те явления природы, которые указывали бы на единство целого, и «это – поразительные сходства в различных образованиях природы, многозначительные аналогии... Здесь Бэкон подводит индукцию под аналогию, то есть обращает внимание естествоиспытателей на сродство вещей, указывая на единство целого» [4. С. 298]. Таким образом, шестая прерогативная инстанция оказывается наиболее значимой, поскольку вскрывает основания индуктивного метода – в основе индукций лежат аналогии, а обнаружение аналогии требует не просто методического наблюдения, но работы «спекулятивного духа» [4. С. 299]. Здесь неожиданно мы обнаруживаем соответствие с приведенной выше оценкой М. Малерба: теория индукции Бэкона покоится на метафизике. Но там, где историк философии середины XIX в. усматривает достоинство, историк философии конца XX в. видит недостаток.

А.О. Маковельский в «Истории логики» утверждает, что идея прерогативных инстанций – «важнейшее открытие, которым Бэкон обогатил науку логики», поскольку прерогативные инстанции предоставляют возможность «быстро и легко различить случайное от существенного» [5. С. 341]. Однако ценность этого открытия заметно снижается, когда мы обращаемся непосредственно к самим прерогативным инстанциям. Далекое не все примеры из списка Бэкона заслуживают такого названия.

А.О. Маковельский выделяет только 3 вида из 27, как наиболее значимые: первый (единичные инстанции), второй (переходящие инстанции) и четырнадцатый (инстанции креста). Первый вид, по его мнению, предвосхищает методы единственного сходства и единственного различия. Второй вид является прообразом метода сопутствующих изменений. А инстанция креста описывает ситуацию постановки так называемого решающего эксперимента, в результате которого принимается одна из альтернативных гипотез, а другая отбрасывается [5. С. 341–342].

Чем более современные работы мы берем, тем меньше содержательных сведений о прерогативных инстанциях обнаруживаем. А.Л. Субботин в своей книге «Фрэнсис Бэкон» (1974 г.) только упоминает о 27 преимущественных примерах, способствующих процессу анализа эмпирических данных из бэконовских таблиц открытия. В качестве примеров прерогативных инстанций здесь опять приводятся единичные инстанции и инстанции креста. Сами по себе преимущественные примеры автора не интересуют [6. С. 308–309]. Ю. Клейн в статье «Фрэнсис Бэкон» (2003 г.) для Стэнфордской философской энциклопедии охарактеризовал «прерогативные инстанции» одним предложением, даже не упоминая их количество [7]. Уже цитированный выше «The Cambridge Companion to Bacon» (2006 г.) научному методу Бэкона посвящает отдельную главу, но прерогативные инстанции в ней качестве отдельного предмета анализа не встречаются. В 10-м томе «Handbook of the History of Logic» (2009 г.), посвященном индуктивной логике, автор раздела «Индукция до Юма» Дж. Р. Милтон в параграфе, посвященном Бэкону, тоже не упоминает прерогативные инстанции, а самого мыслителя характеризует так: «потенциально обманчиво описывать его как основателя индуктивной логики. Бэкон не был логиком ни по характеру, ни по учению, и было бы бесполезно видеть в нем отдаленного предшественника Карнапа» [8. Р. 23]. Наконец, в книге «The Development of Modern Logic» (2009 г.) в разделе «Логика и философия логики от гуманизма до Канта» взгляды Бэкона вообще не рассматриваются [9]. И только в специальном тексте – во «Введении» к изданию «Нового Органона» [10], – тема прерогативных инстанций возникает вновь. Автор «Введения» Л. Жардин указывает на место прерогативных инстанций в методологии Бэкона: они направляют и продолжают исследование после «Первого сбора плодов», совершаемого на основании бэконовских таблиц. Среди прерогативных инстанций она отмечает инстанции союза (13-й пример), инстанции жезла (21-й пример) и инстанции креста (14-й пример), также

констатируя, что инстанции креста предвосхищают более позднюю схему стандартных научных процедур, позволяющих осуществить выбор между альтернативными гипотезами [10. Р. ххiii]. Но даже здесь мы встречаем не серьезный разбор всего списка «прерогативных инстанций», а, скорее, выборочную экспертную оценку значимости некоторых из них, данную без каких-либо развернутых пояснений.

Таким образом, можно заключить, что «прерогативные инстанции» не рассматривались в качестве возможного варианта ответа на миллевский вопрос об индукции по крайней мере по двум причинам: 1) собственная бэконовская теория индукции к середине XIX в. считалась устаревшей и никем всерьез не рассматривалась; 2) сами «прерогативные инстанции» не получили теоретической проработки ни у самого Бэкона, ни у позднейших мыслителей, и остались списком иллюстраций к бэконовским таблицам.

(2) Бэкон дал набросок систематизации своих «прерогативных инстанций» в последнем, пятьдесят втором афоризме второй части «Нового Органона».

Прежде всего, он разделил все примеры на три группы: помогающие познанию, помогающие практике, помогающие и тому, и другому. Примеры, помогающие познанию, помогают или разуму, или чувству. Далее мы будем указывать бэконовские названия «прерогативных инстанций» и в скобках указывать их номер в списке.

Примеры, помогающие чувству (*примеры светильника*), это: примеры дверей (16); примеры побуждающие (17); примеры дороги (18); примеры пополнения (19); примеры рассекающие (20).

Примеры, помогающие разуму, это: примеры обособленные (1), примеры переходящие (2); примеры указующие (3); примеры скрытные (4); конститутивные примеры (5); примеры соответствия (6); примеры уникальные (7); примеры отклоняющиеся (8); примеры пограничные (9); примеры сопровождения (11); примеры присоединительные (12); примеры союза (13); примеры креста (14); примеры расхождения (15).

Примеры, помогающие практике, Бэкон делит на три группы: указывающие, измеряющие или облегчающие практику. К указывающим примерам относятся примеры могущества (10) и намекающие примеры (25). Измеряющие примеры – это примеры жезла (21), примеры пробега (22), примеры количества (23), примеры борьбы (24). Облегчают практику примеры широкого применения (26) и магические примеры (27).

На первый взгляд, бэконовская классификация кажется вполне обоснованной и формально правильной: все «прерогативные инстанции» поделены на непересекающиеся группы и подгруппы, для выделения каждой группы и подгруппы даны общие отличительные признаки. Однако знакомство с описанием этих «инстанций» и приводимыми Бэконом примерами показывает, насколько субъективна его классификация.

Так, общая идея примеров, помогающих чувству, – сделать не воспринимаемые формы и взаимодействия природ доступными для восприятия. Это возможно либо при помощи специальных устройств, усиливающих наше восприятие (увеличительные стекла, телескопы), либо при помощи устранения препятствий для восприятия (наблюдение за прорастанием зерна, организованное специальным образом), либо при помощи подбора аналогий не воспринимаемых форм среди воспринимаемых (когда смешение пламени и воздуха уподобляется смешению воды и масла). Однако к этому же роду примеров Бэкон относит и «примеры рассекающие», для наблюдения которых никаких препятствий чувствам нет (растворение капли шафрана в бочке воды, использование капли чернил для написания большого количества слов и букв). Более того, сам Бэкон, описывая этот вид «прерогативных инстанций», называет их примерами, «которые напоминают разуму об удивительной и совершенной тонкости природы» [2. С. 169]. Разуму, а не чувствам. Тем не менее, данная «инстанция» попала в группу примеров, помогающих чувству.

Мы не будем здесь далее подвергать критике ни основания собственной бэконовской классификации, ни то, насколько его распределение «прерогативных инстанций» по группам соответствует выбранным им основаниям. Это не составляет большого труда, но, очевидно, не является актуальным. Вместо этого мы попробуем предложить альтернативную систематизацию «прерогативных инстанций», опираясь на бэконовские же идеи о том, что представляют собой вещи, и о том, как мы их познаем.

Вещи в «Новом Органоне» – это совокупности качеств. Эти качества встречаются в вещах в различных сочетаниях и проявляются в них в различной степени. Некоторые качества встречаются часто, некоторые – редко. При различных воздействиях качества могут изменяться. Как правило, степень изменения качеств пропорциональна силе воздействия. Некоторые качества вещей мы можем воспринимать непосредственно, некоторые воспринимаем с помощью специальных инструментов (линз, зеркал и тому подобное). Природа разделила вещи на виды, а виды – на индивидов. Между индивидами, между видами, между соединениями вещей существуют подобия, которые не случайны. Обнаруживая эти подобия, мы открываем природу вещей и причины их качеств.

«Прерогативные инстанции» направляют внимание исследователя на то, какие сочетания качеств возможны или невозможны, каковы пределы проявления этих качеств в вещах, как эти качества усиливают или ослабляют друг друга, каковы формы проявления этих качеств, при каких воздействиях эти качества возникают или уничтожаются, в каких границах пространства и времени это все может происходить.

Тогда классификация «прерогативных инстанций» может выглядеть следующим образом:

1) примеры, демонстрирующие возможные сочетания природ (обособленные примеры (1), примеры сопровождения и вражды (11), примеры союза (13), примеры расхождения (15), примеры дверей (16));

2) примеры, демонстрирующие степени изменения природ (примеры дверей (16), примеры дороги (18), примеры пополнения (19), примеры количества (23));

3) примеры, демонстрирующие результаты взаимодействия природ (указующие примеры (3), скрытные примеры (4), примеры борьбы (24), примеры широкого применения (26), магические примеры (27));

4) примеры, демонстрирующие пределы существования природ (переходящие примеры (2), указующие примеры (3), скрытные примеры (4), уникальные примеры (7), отклоняющиеся примеры (8), пограничные примеры (9), примеры могущества (10), присоединительные примеры (12), рассекающие примеры (20), примеры жезла (21), примеры пробега (22), примеры количества (23));

5) примеры, демонстрирующие формы существования природ (конститутивные примеры (5), примеры соответствия (6), уникальные примеры (7), отклоняющиеся примеры (8), пограничные примеры (9));

6) примеры, демонстрирующие способы выдвижения и проверки гипотез (примеры соответствия (6), примеры креста (14), побуждающие примеры (17), примеры пополнения (19), примеры намекающие (25)).

Конечно, от классификаций требуется, чтобы каждый классифицируемый объект попадал только в одну рубрику. Здесь тоже можно было бы предложить такой «строгий» подход. Например, разделить «прерогативные инстанции» на инстанции наблюдения и инстанции эксперимента, или на инстанции природы и инстанции практики. Однако бэконовские примеры «инстанций», которые он приводит почти для каждого их вида, могут быть интерпретированы в других случаях и как примеры «инстанций» другого вида. Скажем, пример окрашивания бочки воды малой частицей шафрана («рассекающий пример» (20)) подобен примеру отравления организма малой долей яда («магический пример» (27)). И там, и там мы можем говорить и о непропорциональном воздействии малого на большое («магический пример»), и об удивительном разделении целого на очень малые части («рассекающий пример»). Но если между самими «прерогативными инстанциями» нет непроницаемых границ, почему они должны быть между классами «прерогативных инстанций»?

Теперь, когда мы оценили возможности и степень полезности классификаций «прерогативных инстанций», перейдем к их месту и роли в теории индуктивного метода Бэкона.

Бэконовская индукция – это индукция элиминативная, его метод поиска причин направлен на то, чтобы исключить все предположения о возможных причинах, которые не подтверждаются наблюдением или экспериментом. Именно поэтому вслед за «таблицей присутствия» исследуемой природы (примером для Бэкона служило исследование причины «тепла»), то есть перечислением разнообразных видов случаев, в которых наблюдается интересующая нас природа («тепло»), мы должны составить «таблицу отсутствия»

– перечень тех видов случаев, в которых исследуемая природа не наблюдается, но которые максимально похожи на те случаи, которые встречаются в «таблице присутствия». Их сопоставление позволяет элиминировать соответствующие гипотезы. Классический пример: солнечный свет – теплый, лунный свет – холодный. Значит, делает вывод Бэкон, свет не является причиной тепла.

«Прерогативные инстанции» обсуждаются Бэконом после того, как он составил таблицы присутствия, отсутствия и степеней для обнаружения причины тепла, и осуществил «первый сбор плодов» с этих таблиц – выдвинул гипотезу, что причиной тепла является «движение распространения, затрудненное и происходящее в малых частях» [2. С. 118]. Однако это не означает, вопреки упомянутому ранее мнению Л. Жардин, что они применяются после «первого сбора плодов». Ситуация здесь сложнее. Сам Бэкон в конце своего сочинения утверждал, что «примеры соответствия, примеры уникальные, примеры отклоняющиеся, пограничные, могущества, дверей, примеры намекающие, примеры широкого применения, магические» следует собирать сразу, не откладывая [2. С. 213]. Про остальные же примеры он высказался так: «при составлении таблиц они должны быть изысканы со всем прилежанием и внесены в таблицы» [2. С. 213]. Но и здесь требуется уточнение. Дело в том, что те самые «примеры креста», которые позволяют из пары конкурирующих гипотез одну подтвердить, а другую опровергнуть, требуют, как правило, проведения специального исследования уже после составления таблиц, «сбор плодов» с которых привел нас не к одной, а нескольким возможным гипотезам.

Таким образом, некоторые «прерогативные инстанции» могут быть использованы до или даже вместо составления таблиц, как примеры дверей, показывающие, как следует организовать экспериментальное исследование, некоторые «прерогативные инстанции» могут обнаружить свое значение только в таблицах, как примеры жезла и примеры воды, некоторые же направляют дальнейшие исследования уже после того, как таблицы составлены, как примеры креста и примеры пополнения.

(3) Теперь остается ответить на последний вопрос: стоит ли в наши дни, когда «миф об индукции как научном методе» под влиянием постпозитивистской критики в философии и методологии науки, казалось бы, окончательно развеян, обращаться к бэконовской идее «прерогативных инстанций»? Да, стоит. Дело в том, что индукция в истории философии и логики рассматривалась и как определенная форма логического вывода, и как метод эмпирического исследования. Безусловно, эти два понимания индукции связаны между собой, но они, очевидно, не тождественны. Очень упрощая, можно сказать так: индукция как логический вывод представляет собой способ обоснования универсальных высказываний с помощью высказываний сингулярных, в то время как индукция как эмпирический метод направлена на поиск гипотез,

обобщающих полученные в результате наблюдений и экспериментов факты. Индукция как логический вывод в общем случае недостоверна и поэтому была признана в методологии науки негодным способом обоснования гипотез. Однако эта критика индукции как вывода была несправедливо перенесена на индукцию как метод.

В попытках освободить творческую мысль исследователей, изобретающих гипотезы, от методологического принуждения постпозитивисты отказались от необходимости иметь какие-либо основания для выдвижения новых гипотез. Собственно, сама новизна гипотез, их альтернативность по отношению к принятым теориям уже, с точки зрения П. Фейерабенда, были достаточным основанием для выдвижения. Но если основание для выдвижения гипотез может быть, по сути, любым (вспомним знаменитое фейерабендовское «anything goes»), то почему оно не может быть индуктивным? И если, как принято считать, постпозитивисты «реабилитировали» метафизику и указали на плодотворность использования ее идей при выдвижении смелых научных гипотез, то почему нельзя «реабилитировать» метафизику, лежащую в основании индуктивного метода? Даже если бэконовская метафизика выглядит сейчас безнадежно устаревшей, то сама идея, что исследование природы должно опираться на предварительные представления о том, как она, в принципе, устроена, осталась вполне дееспособной. Бэконовские «прерогативные инстанции» с этой точки зрения являются неуниверсальными (это важно!) эвристическими приемами выдвижения и проверки гипотез, эффективность которых зависит от принятых метафизических допущений.

Примером теории индукции как совокупности неуниверсальных методов, каждый из которых действителен в специальной области (один – в кристаллографии, другой – в генетике и так далее) является материальная теория индукции, предложенная Джоном Норттоном [11].

В подобных теориях, отказавшихся от претензий на создание всеобщей теории индукции, «прерогативные инстанции» могут обрести вторую жизнь. И хотя утверждать, что «прерогативные инстанции» – это ключи к разгадке «тайны индукции», было бы сильным преувеличением, то, что их не оценили по достоинству ни в прошлом, ни в настоящем, к сожалению, тоже не вызывает сомнений.

Список литературы / References

- [1] Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной. М., 2011. Mill JSt. *A System of Logic, Ratiocinative and Inductive*. Moscow; 2011. (In Russian).
- [2] Бэкон Ф. Новый Органон // Сочинения в 2 томах. Т. 2. М., 1978. Bacon F. *Novum Organum*. In: *Works in 2 vols*. Vol. 2. Moscow; 1978. (In Russian).
- [3] Peltonen M, editor. *The Cambridge Companion to Bacon*. Cambridge University Press; 2006.
- [4] Фишер К. История новой философии: Введение в историю новой философии. Френсис Бэкон Веруламский. М., 2003.

- Fisher K. *The History of Modern Philosophy. Francis Bacon of Verulam*. Moscow; 2003. (In Russian).
- [5] *Маковельский А.О.* История логики. М., 2004.
Makovelskiy AO. *History of logic*. Moscow; 2004. (In Russian).
- [6] *Субботин А.Л.* Фрэнсис Бэкон // Бэкон Ф. Новый Органон наук. М., 2016.
Subbotin AL. Francis Bacon. In: Bacon F. *The New Organon*. Moscow; 2016. (In Russian).
- [7] Klein J. *Francis Bacon*. Available from: <https://plato.stanford.edu/entries/francis-bacon/> (accessed: 20.10.2024).
- [8] Milton JR. Induction before Hume. In: *Handbook of the History of Logic. Volume 10: Inductive Logic*; 2009.
- [9] Capozzi M, Roncaglia G. Logic and Philosophy of Logic from Humanism to Kant. In: Naaparanta L, editor. *The Development of Modern Logic*. New York; 2009.
- [10] Jardine L. Introduction. In: Jardine L, Silverstone M, editors. *Francis Bacon. The New Organon*; 2000.
- [11] Norton JD. *The Material Theory of Induction*. University of Calgary Press; 2021.

Сведения об авторе:

Петров Василий Борисович – кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0003-3095-0923. SPIN-код: 2520-7524. E-mail: petrov-vb@rudn.ru

About the author:

Petrov Vasilii B. – CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Ontology and Epistemology, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-3095-0923. SPIN-code: 2520-7524. E-mail: petrov-vb@rudn.ru